

«ЯПОНСКИЙ» КОНТЕКСТ РОМАНА К. ИСИГУРО «ОСТАТОК ДНЯ»

Л.Ф. Хабибуллина

В статье рассматривается роман английского писателя японского происхождения с точки зрения национального контекста. Основная концепция состоит в том, что роман, который критика называет «самым английским» романом писателя в действительности содержит смыслы, раскрываемые только через сопоставление текста романа с японской культурой.

Ключевые слова: К.Исигуро, образ дворецкого, английскость, синтоизм, самурай.

Роман К. Исигуро уже неоднократно становился предметом обсуждения в отечественном литературоведении. В аннотациях, рекламирующих книгу в интернете, это произведение называется самым «английским» романом писателя. Давая ему оценку, литературоведы с определенной осторожностью высказываются о том, действительно ли этот роман является воплощением тем «английскости», каким он выглядит на первый взгляд. Так, Е. Цокур отмечает, «не вполне правы те, кто говорит, что, к примеру, в “Остатке дня” текст показывает истинную “английскость”, чопорность, присущую стране Британских островов. Скорее, стилистика призвана показать остатки этой субстанции в герое, дать нам представление о его устаревшем уже взгляде на мир» [1]. Е. Белова предпринимает попытку выявить своеобразие романов японского автора при помощи сопоставления его романов с произведениями И. Макьюэна [2]. О.Г. Сидорова, указывая на глубокое понимание Исигуро феномена английскости отмечает, что она «получает в романе Казуо Ишигуры двойную оценку, и это, очевидно, происходит прежде всего за счет двойного видения автора, взгляда одновременно изнутри и со стороны» [3].

Опираясь на последнее высказывание, рассмотрим особенности авторской позиции относительно изображаемого им мира с учетом отмеченной О.Г. Сидоровой одновременности «внешней» и «внутренней» позиции (В отличие от многих исследователей мы считаем, что личная биография Исигуро

и его размышления о роли в истории собственной страны не могли не повлиять на «самый английский» роман писателя).

«Внутренняя» позиция может быть определена как позиция персонажа, чья точка зрения доминирует в повествовании. Повествователь романа, дворецкий Стивенс, определяется исследователями как «ненадежный рассказчик» [4: 20]. «Внешняя» позиция, авторская, проявляется особым построением текста, сочетанием текстовых «избыточностей» и «лакун», которые создают смысловые смещения, определяющие расхождение манифестируемой «английскости» Исигуро с подлинной английскостью. Это создает у читателя внутреннее ощущение несоответствия между тем, что декларирует повествователь, и тем, что является авторским «посланием» читателю. Наличие этой стилевой специфики отмечают многие исследователи. Так, О. Джумайло пишет: «Все романы автора построены на игре недомолвками – рассказчики умело редактируют свои “мемуары”» [4: 20].

К числу наиболее явных избыточностей можно отнести постоянные рассуждения повествователя на «философские» (о величии и достоинстве) и бытовые (о способах чистки столового серебра) темы. Например, рассуждения о величии предваряет утверждение о том, что величие – главная особенность английской природы: «Существенна тут безмятежность этой красы, ее сдержанность. Словно сама земля знает о своей красе, о своем величии и не считает нужным громко о них заявлять» [5]. Прямо в тексте происходит смещение смыслов, так как величие отождествляется со сдержанностью, неброскостью. Соединение такого суждения о природе с названием «Великобритания» и переход к рассуждениям о «великом» дворцеком демонстрирует соединение почти противоречащих друг другу понятий, легитимизирующее право на причастность к величию всей Британии тех, чье скромное положение соотносится со скромностью английского пейзажа. Такое смещение, совсем нехарактерное для английской культуры, с ее четкой установкой на признание государственной роли только за аристократией, как и другие подобные примеры в тексте, может быть объяснено изменениями в

менталитете англичан или спецификой сознания субъекта повествования, а может стать свидетельством инкорпорации в «английский» контекст черт иной системы представлений.

Рассуждения Стивенса о природе одновременно выявляют и одну из наиболее явных «лакун» в повествовании. В этом отношении роман Исигуро можно соотнести с другими произведениями английской литературы с аналогичным сюжетом, с циклом Г.П. Вудхауза о дворецком Дживсе и аристократе-растяпе Берти Вустере, неизменно критические отсылки к которому «рассыпаны» по всему роману Исигуро, очевидно находящемуся в ироничном диалоге с данным произведением. Так, Стивенс в своих рассуждениях о достоинстве дворецкого в негативном ключе упоминает о тех господах, кто кичится «нахватанностью» своего дворецкого: «В одном таком случае – я сам был тому свидетель – у гостей дома вошло в обычай вызывать дворецкого и забрасывать беспорядочными вопросами типа “Кто победил на скачках в Эпсоме в таком-то и таком-то году?” – словно он не дворецкий, а Человек-Всезнайка из мюзик-холла» [5].

В цикле Вудхауза, как и в большинстве английских произведений такого рода, английское окружение, в том числе природное, буквально дышит национальной историей и культурой. Каждая местность, каждый лес или холм напоминает истинному англичанину о национальном прошлом или связано с национальной поэтической культурой. Описания местности и диалоги у Вудхауза, как и у большинства авторов XX века, наполнены отсылками к национальной культуре. Если Берти Вустер говорит о пейзаже, то делает это, ссылаясь на английского поэта рубежа веков Р. Хибера: «Но вы же знаете, все эти виды, ласкающие взор, бесполезны там, где мерзок человек» [6: 6]. Если речь идет об отношениях, то со ссылкой на Шекспира: «Сразу видно, что человек влюблен как сорок тысяч братьев» [6: 28].

В романе Исигуро сознание героя полностью изолировано от этого «общего» национального сознания, и не только от культурного, но и исторического контекста, что может быть отчасти объяснено его

принадлежностью к низкому классу, но это противоречит его желанию принадлежать большой истории и быть ближе к тем, кто находится «у ступицы всемирного колеса».

Отсутствие литературного и исторического контекста дополняется отсутствием какого-либо намека на религиозные взгляды Стивенса, что также противоречит традиции английской литературы и уже не может быть мотивировано его происхождением. И здесь мы видим лауну, которая, с учетом «английскости» и «традиционности» Стивенса, вызывает ощущение несообразности. Даже посещая собор Солсбери, Стивенс рассматривает его как не более чем «достопримечательность», значение которой обусловлено ее упоминанием в горячо почитаемом им справочнике мисс Симоне: «Не преминул я, разумеется, осмотреть и прекрасный собор, который миссис Симоне так превозносит в своей книге» [5]. Данное вопиющее игнорирование значения одного из наиболее исторически, культурно и религиозно значимых мест Британии (Стивенс сразу же переходит к рассуждениям о величии английской природы) не может не привлечь внимание читателя явным противоречием с «английскостью» этого персонажа. Даже если объяснять это замкнутостью и ограниченностью жизни самого Стивенса, такая отключенность от одних компонентов национального и акцентирование других одновременно и на уровне автора, и на уровне персонажа не может быть непреднамеренной.

Отсутствие видимого христианского элемента заставляет исследователей по-своему трактовать эту ситуацию, не свойственную английской литературе, во всяком случае, до конца XX века. Так, Е. Цокур отмечает: «Интересна религиозная тема романов, точнее сказать – ее полное отсутствие. В текстах нет не только упоминания о Боге, Христе или христианах, но и никакой христианской (как, впрочем, и вообще религиозной) лексики. Если рассматривать это белое пятно на уровне символа, то можно сделать вывод: в мире Исигуро спасение невозможно» [1]. Нам представляется, что это игнорирование христианства автором романа далеко не случайно, особенно

если учесть, что имплицитные отсылки к христианству присутствуют в сюжете, по крайней мере, в ситуации двойного (правда, не тройного) отречения Стивенса от своего хозяина лорда Дарлингтона при встрече с жителями деревни. Эта ироническая параллель подчеркивает несостоятельность Стивенса, столь явно отступающего от своих принципов.

Еще один пример смыслового смещения связан с темой отказа от личного во имя долга. Сюжетный стержень романа – история отношений Стивенса и мисс Кентон, когда традиционная для английского характера неспособность выражать свои чувства приводит к потере единственной любви всей жизни. Такая ситуация нередко обыгрывается в литературе Англии. Однако самоотречение Стивенса, который сознательно сводит общение с мисс Кентон к деловому не только в годы их совместной службы, но и после этого, мотивируя свою поездку попыткой вернуть мисс Кентон на службу, все его поведение выглядит избыточно строгим.

В английской классической литературе значимость частной жизни обычно не игнорируется, даже дворецкий может иметь свою частную жизнь и собственные интересы (забота о брате жены Бэрримора в «Собаке Баскервилей», например), которые хозяин по возможности старается учитывать и в известной степени уважает в силу особенностей национального мышления. В самом романе лорд Дарлингтон идет навстречу Стивенсу, принимая его отца на работу. Более того, в отличие от Стивенса, лорд Дарлингтон демонстрирует как раз приоритет частного (своих воспоминаний о дружбе с немцем) над общим (общественным мнением и пр.). Во время исторического обеда, когда Стивенс забывает даже о собственном отце, лорд Дарлингтон помнит о необходимости обсудить проблемы интимной жизни со своим крестником. Более того, среди представителей низкого класса приоритет личного продемонстрирован в истории горничной Лизы, которая сбежала со вторым лакеем, дав пример, которым Стивенс и мисс Кентон не воспользовались.

Можно говорить о том, что самоотречение Стивенса является его личной инициативой, продиктованной кодексом чести дворецкого, который он для себя

избрал. Отказ от взаимоотношений с мисс Кентон продиктован также тем самым кодексом и представлением о различии между дворецким и лакеем: «Конечно, этого следует ожидать от лакеев и горничных, и хороший дворецкий обязан предусмотреть такие случаи в своих расчетах; но браки подобного рода между слугами более высокого ранга способны повлечь за собой крайне нежелательные для службы последствия» [5]. Избыточность самоотверженности Стивенса в совокупности с отказом от драматизации этой ситуации, как со стороны персонажа, так и со стороны автора, вновь создает ощущение несообразности поведения дворецкого. Представляется, что речь идет не просто о традиционном соотнесении «наивного» рассказчика и «всезнающего» автора.

Здесь мы сталкиваемся с традиционной в современной литературе ситуацией двойной кодировки, когда это чувство несообразности не служит для социальной характеристики героя (это не нужно хотя бы потому, что Исигуро описывает мир, давно ушедший в прошлое, и писать роман для повтора очевидных для читателя английской литературы вещей не имеет смысла), а скрывает имплицитно присутствующий смысл, который находится совершенно в ином смысловом поле, нежели декларируемый. Для его раскрытия необходимо актуализировать «японский» культурный контекст.

Джон Ротфорк в статье «Комедия дзен в литературе Содружества» рассматривает произведение Исигуро как «буддийскую критику конфуцианства» и приходит к выводу о том, что Исигуро, как и другие «постколониальные» авторы, «использует сравнительную религию и философию, для того чтобы предоставить ключевые термины и концепты для постижения не-западной идентичности, мотивов и ценностей» [7]. В этой трактовке произведения Исигуро важно акцентированное в самом названии указание на комическую природу романа и замечание о том, что педалирование «английскости» героя на самом деле может стать способом реализации идей, не имеющих к художественному исследованию английскости никакого отношения.

Заметим, что в данной статье автор указывает на три философских основы японской культуры: буддизм, конфуцианство и синтоизм, однако уделяет внимание лишь анализу взаимодействия в романе первых двух. Автором статьи практически проигнорирован синтоизм, который является единственным из трех собственно национальным учением в Японии и роль которого в формировании мышления, приведшего страну к ситуации, сложившейся в результате Второй мировой войны, весьма значительна.

Япония и Великобритания – две империи, чье островное местоположение не помешало им стать таковыми (для Японии период, когда империя вышла за пределы островов был очень коротким), две империи, которые выработали определенную систему представлений, позволяющую говорить о национальной идеологии, и чье могущество было утрачено в результате Второй мировой войны. Идеология обеих стран связана с осознанием мессианской роли своей нации, вере в ее исключительность (См.: [8]). В японской культуре синтоизм становится философской основой идеи мессианства, где эта идея, закрепленная в учении о ками – духовных сущностях¹, и кокутай – едином теле государства, частью которого является каждый японец, утверждается как религиозный принцип. Запрещенный до середины XIX века, синтоизм является в Японии государственной религией с 1868, когда появилась Японская империя, по 1945, когда оккупационные власти его запретили. Важными атрибутами культуры синтоизма становятся почитание предков и культ природы. Почти навязчивое желание Стивенса любоваться видами вполне соотносится с «английскостью» его характера, но это же желание побыть наедине с природой также укладывается и в синтоистский канон.

¹ Ками может существовать на Земле в материальном объекте, при этом не обязательно в таком, который принято считать живым в стандартном понимании, например, в дереве, камне, священном месте или явлении природы, и при определенных условиях может оказаться в божественном достоинстве. Некоторые ками являются духами местности или определенных природных объектов (например, дух конкретной горы), другие олицетворяют глобальные природные явления, такие, как Аматаэрасу Омиками, богиня Солнца. Почитаются ками – покровители семей и родов, а также духи умерших предков, которые считаются покровителями и защитниками своих потомков.

Интересно рассмотреть в синтоистском ключе взаимоотношения Стивенса с отцом. Если с точки зрения западного читателя эти отношения являются свидетельством человеческой несостоятельности Стивенса, который, повинуясь долгу дворецкого, не может проявить простого участия в минуты смерти отца, то с точки зрения морали синтоизма это противоречие отсутствует. В синтоизме преданность сюзерену и забота о родителях рассматриваются обычно в совокупности, при этом подчеркивается значимость почитания предков, но первостепенность почитания все же отдается сюзерену: «Смыслом жизни самурая было служение» [9].

В романе мы видим множество признаков спаянности нескольких компонентов. Это устная традиция рассказов о «великих» дворецких, переданная Стивенсу прежде всего его отцом, пример отца и, наконец, собственные размышления Стивенса о «величии» и «достоинстве» дворецкого. Это единство не может не напомнить о принципах Бусидо – кодексе поведения самураев, на который синтоизм оказал непосредственное влияние. Опираясь на книгу Инадзо Нитобэ, написавшего ее специально для западного читателя и разъясняющего самурайские ценности в сопоставлении с западными, отметим такие важные особенности Бусидо, как отсутствие единого написанного кодекса и существование разветвленной устной традиции, которая на примерах демонстрирует правила поведения настоящего самурая: «Бусидо – это свод моральных качеств, которые требовались от воина, или принципов, которые он был обязан соблюдать. При этом Бусидо никогда не существовал ни в устном, ни в письменном изложении. История сохранила лишь отдельные цитаты из него, записанные в свое время некоторыми прославленными воинами или философами. Тем не менее этот негласный и неписанный кодекс обладал силой настоящего закона, хранимого в сердце каждого воина» [9].

Закрепленная в бусидо необходимость размышлений о правилах поведения самурая также является одной из главных особенностей Стивенса, который постоянно размышляет о качествах «великого» дворецкого. В этом контексте поведение Стивенса во время обеда было высшим проявлением

достоинства: не устранившись от заботы о своем отце (доктор был приглашен), он не отходит от своего высшего служения, демонстрируя тем самым окончательную преданность принципам, внушенным ему отцом, неслучайно сам дворецкий уверен, что поступи он по-другому, он бы подвел отца. «Односторонний» героизм Стивенса, добровольный отказ от любых побряжек, а также бесконечные рассуждения о «достоинстве» и «величии» как нельзя лучше соответствуют его верности ценностям самурая: «О смысле Благородства, заключенного в осознании личного достоинства и чести, по воле происхождения был обязан знать и к нему стремиться каждый самурай, поскольку это было обязанностью и особенностью их сословия» [9].

Надо полагать, что автор романа прекрасно отдавал себе отчет в том, что «самурайские» доблести Стивенса не будут приняты как идеал его английским читателем. «Разоблачение» Стивенса, предающего лорда Дарлингтона, выдающего себя за джентльмена, неспособного на протест (случай со служанками-еврейками) позволяет говорить о том, что образ Стивенса становится предметом жесткой иронии автора, направленной не против традиционных английских ценностей, а против ценностей собственной культуры, чья несостоятельность и даже абсурдность доказывается помещением этой системы в инокультурную ситуацию.

В романе ироническому переосмыслению подвергаются те ценности «служения», которые предлагают две империи своим гражданам в изображаемой Исигуро «английской реальности». Ирония проявляется в том, что, декларируя эти ценности, бесконечно размышляя о них, Стивенс, будучи вырван из привычной среды, немедленно нарушает правила простой человеческой порядочности, отрекаясь от лорда Дарлингтона или невольно выдавая себя за джентльмена. Все это выдает опасную близость положения и поведения «великого» дворецкого простому лакейству. Это проявляется в том, что настоящий «джентльмен» сразу распознает Стивенса, а также в готовности последнего приспособиться к ситуации «подтрунивания» нового хозяина, это осознается и самим Стивенсом, подводящим итог своей жизни: «А теперь я

даже не имею права сказать, что сам виноват в своих ошибках. Вот и приходится задаваться вопросом – а много ли в этом достоинства?» [5].

Как отмечает Инадзо Нитобэ, «по Бусидо, человек, который позабыв о чувстве достоинства, исполнял капризы, причуды или несправедливые приказы своего господина, считался обесчещенным. Такого человека самураи называли «ней-син» (nei-shin) – «лакей», потому что вместо службы он занимался прислуживанием, то есть – заискиванием» [9]. Готовность Стивенса позабыть свои представления о величии дворецкого и ради того, чтобы остаться в доме при новом хозяине освоить «технику» подтрунивания, проливает новый свет на предыдущую ситуацию его «самурайского» стремления выполнить даже несправедливый приказ хозяина (например, об увольнении горничных-евреек). Такое сочетание заставляет думать о чрезмерной гибкости правил поведения «великого дворецкого», которые скорее становятся защитой героя от общечеловеческих представлений о порядочности. В то же время остается неясным, можно ли вообще применять к этому образу традиционную систему ценностей. Можно говорить и о том, что Стивенс, который достигает полной реализации, хорошо выполняя свои служебные обязанности, когда обязанности выполнены, освобождается от них и переосмысливает свой кодекс, приспособив его к новой службе.

Возможно, более важно в данном случае то, что этот персонаж Исигуро в романе изолирован из любого контекста, кроме природного. Все отношения с людьми в его жизни носят только служебный характер, это касается даже отца, который упоминается только в контексте его прошлого величия и нынешних промахов, и мисс Кентон. В окружении людей Стивенс чувствует себя крайне неловко, неким чужеродным элементом, каковым он в рамках его английского окружения, на наш взгляд, и является.

Несостоятельность той системы ценностей, которую представляет лорд Дарлингтон, то есть британской имперской, более проявлена в тексте. Стивенс, выступая в защиту своего хозяина, мотивирует его деятельность в пользу Германии чувством справедливости и джентльменским поведением в

отношении поверженного противника, упоминая и о нелюбви англичан к французам, и о их хорошем отношении к «родственным» германцам¹. Другая мотивация, данная «между строк», связана с «тесной дружбой» лорда Дарлингтона с неким герром Бремманом, застрелившимся позже в поезде между Гамбургом и Берлином. Несостоятельность джентльменского, или как позже определяет один из американцев, «любительского» подхода Дарлингтона и других европейцев к политике выявляется через сам исторический контекст событий, описанных в романе. Это в свою очередь выявляет несостоятельность представлений Дарлингтона о «чести» (которые не мешают ему уволить горничных-евреек), составляющую параллель несостоятельности представлений Стивенса о «достоинстве дворецкого».

Авторская ирония, если не сарказм, в отношении Дарлингтона как истинного англичанина выявляется через исторический контекст романа. Нация «политиков-любителей» сыграла в истории XX века достаточно неблагоприятную роль в силу своей неспособности отказаться от «джентльменского» отношения к противнику, которое прикрывает приоритет частного интереса над общими и национальных симпатий над общей моралью. Несостоятельность Великобритании в политике, ее неспособность сохранить свои ценности, метафорически выражена сменой хозяина поместья, принесшего новые правила жизни. Готовность Стивенса к «подыгрыванию» по отношению к представителю нации «профессионалов», которая сменила обе империи на исторической арене, ассоциирующаяся не только с британской, но и с японской политической позицией и судьбой после Второй мировой войны, выявляет лакейскую подоплеку самурайской идеи служения. Все это позволяет говорить об иронии Исигуро в отношении ценностей уходящих империй как на уровне истории, так и на уровне систем ценностей, декларируемых самими культурами.

¹ Существенно, что между мировыми войнами отношение англичан к немцам, транслируемое, в частности, в литературе, было негативным, а вот после второй мировой войны оно становится положительным (подробно об этом см.: [8: 137 – 154]).

Проведенный анализ показывает, что носителем истинной «английскости» в романе является лишь лорд Дарлингтон, чья «историческая» деятельность на уровне сюжета выявляет неприглядную роль Великобритании в мировой истории. «Английскость» Стивенса в романе является фикцией, так как он реализует своим поведением эталон служения, соотносимый с японским кодексом бусидо. Оба персонажа становятся в романе предметом авторской иронии через демонстрацию противоречия между декларируемыми (справедливость, достоинство) и реализуемыми (личные симпатии, «подыгрывание») моделями поведения. На наш взгляд, наиболее важен здесь исторический фон романа, который связан с эпохой, когда была выявлена ущербность систем ценностей двух империи, что и воплощается в романе через сложную систему художественных знаков.

* * * * *

1. *Цокур Е.* Искусственные люди: романы Кадзуо Исигуро // URL: <http://www.hrono.ru/proekty/parus/ckr0411.php>. (дата обращения 01.03.2012).
2. *Белова Е.* Проблема судьбы и ответственности в творчестве К.Исигуро и И. Макьюэна: Понимание и искупление // Вест. Пермского ун-та. – 2011. – Сер.: Российская и зарубежная филология. – Вып. 2(14). – С.179.
3. *Сидорова О.Г.* «Английский» роман Казуо Ишигуры // Изв. Урал. гос. ун-та. – Екатеринбург, 2001. – № 21. – С. 48 – 53.
4. *Джумайло О.А.* За границами игры: английский постмодернистский роман. 1980 – 2000 // Вопр. лит.– 2007. – № 5. – С.7 – 45.
5. *Исигуро К.* Остаток дня / пер. с англ. В. Скороденко.// URL: <http://lib.rus.ec/b/152225/read>. (дата обращения 09.03.2012).
6. *Вудхауз Г.П.* Радость поутру / пер. с англ. И. Бернштейн. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 286 с.
7. *Rothfork J.* Zen Comedy in Commonwealth Literature: Kazuo Ishiguro's *The Remains of the Day* // URL: <http://www2.nau.edu/~jgr6/mosaic.html>. (дата обращения 01.03.2012).

8. *Хабibuллина Л.Ф.* Национальный миф в английской литературе второй половины XX века: содержание и функционирование. – Leipzig: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – С. 117 – 137.
9. *Нитобэ И.* Бусидо – душа Японии / пер. с англ. Е. Федоровой // URL: <http://mosbudokan.ru/public/bushido0.html> (дата обращения 01.03.2012).

**«JAPANESE» CONTEXT OF K. ISHIGURO'S NOVEL
«THE REMAINS OF THE DAY»**

L.F. Khabibullina

The article describes *The Remains of the Day* by K. Ishiguro from the point of view of the national context of his novel. The basic concept is that «the most English» (as the critics say) novel actually contains meanings that expose only through comparison of the text of the novel with Japanese culture.

Key words: K. Ishiguro, the image of the Butler, Englishness, Shinto, Samurai.

* * * * *

Хабibuллина Лилия Фуатовна – доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: fuatovna@list.ru

Поступила в редакцию 25.01.2012